

ПОКАЗАНИЯ СУДМЕДЭКСПЕРТА А.П. ВЛАДИМИРСКОГО НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ПРОЦЕССЕ

*Источник: Лукницкий П. Н. Ленинград действует. Книга третья. М.: Советский писатель, 1971.
Глава 26.*

Подполковник медицинской службы А.П. Владимирский – судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа. Государственной чрезвычайной комиссией по расследованию немецких злодеяний ему было поручено присутствовать при раскопках бесчисленных могил – рвов, ям, карьеров, – где были закопаны многие тысячи убитых гитлеровцами мирных жителей. Он исследовал трупы этих людей. Свидетель перечисляет только некоторые места: в Гатчине найдено тринадцать таких мест, много других обнаружено в Красном Селе, в Пскове и прилегающих к нему районах, – например, в Военном городке, на бывшем Салотопенном заводе. В Порхове – в Военном городке и усадьбе Полянова, в Порховском районе – в двух пунктах, в Демянском районе – ряд пунктов, в Чудовском районе на территории совхоза «Коммунар» и в других местах...

Количество трупов далеко превосходит цифру, названную в обвинительном заключении (55355 мирных жителей. – *П.Л.*). Если включить «не боевую травму» – то есть лиц, погибших в больницах, лиц, которые были отравлены, и прочее, и прочее, то эта цифра превышает полмиллиона человек. Колоссальное количество людей погибло без свидетелей, они были, но их всех убивали. Я сам, своими руками, перебрал не один десяток тысяч трупов. Если сделать общий обзор тех так называемых «захоронений», которые производились немцами, то это – все виды могильных мест: от ям небольших размеров до колоссальных размеров рвов, где были завалены землей трупы гражданского населения – и прежде всего женщин и детей.

Возникает вопрос: для чего было такое уничтожение? Только теперь, из Нюрнбергского процесса, это стало понятно. В начале войны немцы не стеснялись формами уничтожения: отравляли, морили голодом, замораживали, вешали и так далее. Когда Красная Армия погнала немцев, то они стали заметать следы. Например, в Гатчине немцы решили уничтожить всех находившихся в больнице, распустили слух, что больных собираются эвакуировать, а в действительности их стали подвозить к эшелону; туда люди входили живыми, а оттуда – за несколько километров пути, в лесу, выносили трупы: было отравлено восемьсот пятьдесят человек. Впоследствии, перед своим отступлением, немцы решили уничтожить следы, назначили пятнадцать русских военнопленных сжигать эти трупы. Эта работа продолжалась около двух недель. И когда

военнопленные эти, жившие отдельно в сарае, кончили работу, то их загнали в сарай, облили керосином и сожгли. Вот те свидетели, которые могли бы рассказать о том, что случилось с больными, но немцы избавились от свидетелей...

Мы обнаружили и вскрыли кладбище в самой Гатчине. Здесь на горе было расположено немецкое кладбище. Когда раскопали его, внизу, под могилами немцев, обнаружили зарытые ямы и могилы, где лежали расстрелянные мирные жители, мы находили трупы женщин, детей – в возрасте от двух до трех месяцев, стариков...

В лесу, в тридцати восьми километрах от Гатчины, мы обнаружили огромный ров, который оказался заполнен трупами: около трех тысяч мирных жителей, среди которых были также женщины, дети, старики. Оставшиеся в живых немногие освобожденные Красной Армией гатчинцы свидетельствуют, что в годы немецкой оккупации множество людей бесследно исчезало не только по ночам, но и днем: вышел человек на улицу – не вернулся, другой зашел к соседу – соседский дом пуст, семья ушла в кино и исчезла... Большое пространство земли вдоль одной из сторон этого рва оказалось сплошь покрыто гильзами патронов от автоматов. Сколько нужно было выпустить пуль, чтобы расстрелять три тысячи человек?! Народ, по-видимому, сгоняли и расстреливали. Женщины и дети лежали на других трупах.

Псков! Кладбища были в центре города, в небольшом расстоянии одно от другого. Кладбища были на окраине – Моглино-первое, Моглино-второе, Салотопенный завод. Около Пскова, у станции «Псков-пассажирская», найден участок, покрытый небольшими холмами. Местность Кресты и другие. По свидетельским показаниям, здесь производились расстрелы. Около одного из таких холмов мы случайно увидели колоссальное количество автоматных пуль.

Склон холма был весь испещрен пулями, которые оказывались на поверхности по мере выветривания песка. Найдя их, мы произвели раскопки. Трупы здесь лежали в штабелях, в огромном количестве. У всех – огнестрельные ранения и, кроме того, переломы черепа тяжелыми предметами. (И мне вспоминается приказ Ремлингера, что «оружие не обязательно применять одним концом, можно и другим» – прикладом. – П.Л.)

Моглино!.. Зарыты трупы советских военнопленных, замороженных! Подходили эшелоны по пятьдесят-шестьдесят вагонов, в них наши воины были заморожены. Мы разрыли это кладбище. Это были трупы людей в высшей степени истощенных, без одежд, исследование показало, что они погибли от охлаждения. По свидетельским показаниям, собранным в районе Моглино-первое около Пскова, где-то там, в районе Пскова, в тысяча девятьсот сорок первом году все в лагере были уничтожены и туда же были доставлены евреи, вывезенные из Пскова. Мы стали проверять эти показания, долго искали, чтобы найти вещественные доказательства. Около Моглино-первого, на площади, засеянной рожью, мы

нашли десять ям-могил, заполненных трупами: дети, женщины, мужчины. Так как их убили в начале войны, то немцы еще не раздевали людей перед уничтожением – еще не скрывали тогда следов своих преступлений. Многое нам удалось установить по бусам, амулетам и другим предметам, определявшим национальность уничтоженных людей. Затем немцы заровняли землю, превратили в поле, засеяли...

Салотопенный завод около Пскова... Сжигали! В том числе живых людей. Мы нашли большое количество пепла, обожженных человеческих костей и под самыми глубокими слоями – слой трупов с остатками одежды, из чего стало ясно, что это – мирное население...

В доме номер пятьдесят на Советской улице Пскова помещалась немецкая жандармерия. Во дворе мы нашли четыре сарая, заполненных гражданской одеждой: мужской, женской, детской. Туда люди входили одетыми. Их оттуда выводили раздетыми, на расстрел. Специальная комиссия определила по одежде и обуви – обувь принадлежала трем тысячам человек, а часть – была увезена. Одежда – меховая, зимняя, и летняя – кофточки и тому подобное, самая разнообразная. Разрозненной одежды – только разрозненной! – оказалось около тонны. И еще около трех тысяч единиц целой, комплектной, одежды...

В Псковской психиатрической больнице было «экспериментальное отделение», устроенное немцами, где в конечном результате люди были отравлены.

Порхов... Здесь на кладбище были надписи: «Только для русских военнопленных». А трупы оказались гражданского населения, и множество детей.

Если б мы все, находящиеся здесь в зале, посмотрели... (я бы не хотел второй раз увидеть!) В сидячем, в лежачем, в самых разнообразных положениях... дети!

О вскрытых кладбищах, где найдены трупы исключительно с огнестрельными повреждениями; о людях, копавших себе ямы и затем расстрелянных... Эксперт говорит ровным, деловым голосом; тоном мерным, но словно наполненным сдавленной эмоцией. Зал тих – ни единого возгласа, слова, – внимание напряженное. Как изваянный из металла в своем полковничьем кителе, эксперт держится строго и прямо. Его удивительная голова, выкругленная сзади большим полушарием, придает ему облик ученого – математика или философа. Он стоит перед судом олицетворением обузданной страсти, сократовским отрицанием принуждения и насилия.

«Можно еще долго рассказывать! – оборвав свою речь трудной, видимо мучительной, паузой, произносит он. – Я больше не могу говорить!...»

Председатель:

«Скажите, в каких районах вы находили больше всего?»

«Центром уничтожения людей в Ленинградской области был Псков».

«Псков?»

«Да, Псков!» (Перечисляет все места, где уничтожались люди.)

Защитник Ремлингера спрашивает свидетеля:

«В какое время уничтожилось мирное население, до сентября тысяча девятьсот сорок третьего года и позже?»

«Ряд документов доказывает, первое: что люди уничтожались в тысяча девятьсот сорок первом году; второе: в марте - апреле тысяча девятьсот сорок второго года (не раньше, что доказывается, например, клочками газет и другими датированными документами); третье: в тысяча девятьсот сорок третьем году и до отступления немцев. Наконец, время уничтожения часто можно было определить по состоянию трупа, с учетом почвы и так далее...»

Прокурор заявляет, что допрос свидетелей закончен и что в качестве вещественных доказательств присутствующим будут показаны фотоальбом и документальный фильм, и пока объявляется перерыв на час.

Через час, после того как суд собрался снова, и зал снова заполнился, демонстрируется фильм... Кадры его, снятые кинооператорами Ленинградского фронта в 1941 году и в следующие годы, производят тяжелое впечатление. Они сняты в Ленинграде, в области, в том числе в немецком тылу, куда операторам удавалось проникнуть, и, наконец, в пылающих, подожженных карателями деревнях, в городах, превращенных в развалины, на снежных полях и в заснеженных лесах, по которым бредут, укрываясь в землянки, уцелевшие жители – семьи, одинокие, истощенные женщины, дети...

Другие кадры показывают множество приказов гитлеровского командования, заканчивающихся словами «подлежат расстрелу», «расстреливаются», «расстрелять» ... Под одним из таких приказов – четкая подпись: «Ремлингер» ... Что стоят после этого все увертки и отрицания глядящего на экран Ремлингера?..

Мы видим на экране те разрытые рвы, ямы, могилы, где происходили массовые расстрелы людей, множество трупов женщин, детей, стариков, со следами изощренных пыток; десятки концентрационных лагерей, обведенных колючей проволокой, и в них опять – могилы, тысячи трупов. В Демянском концлагере только три человека уцелело из тринадцати тысяч заключенных туда мирных жителей...